

ОСОБЕННОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

А. Ю. Минаков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 11 января 2010 г.

Аннотация: рассматриваются особенности русского консерватизма в период его возникновения в первой четверти XIX в. Он был реакцией на радикальную модернизацию, предпринятую самодержавием в XVIII – начале XIX в. Анализируются основные аспекты деятельности ранних русских консерваторов: их центры, идеологические течения, особенности их взглядов, влияние на внутреннюю политику самодержавия.

Ключевые слова: русский консерватизм, вестернизация, галломания, национализм.

Abstract: the article describes the specific features of Russian conservatism in the first quarter of the XIX century. Russian conservatism was a reaction to the radical modernization initiated by autocracy in XVIII and at the beginning of XIX century. The author analyses the main aspects of the activity of early Russian conservatives: their centres, ideological trends, peculiarity of their views, their influence on the internal politic of autocracy.

Key words: Russian conservatism, westernization, Gallomania, nationalism.

Специфика раннего русского консерватизма была обусловлена тем, что он изначально представлял собой реакцию на радикальную вестернизацию (модернизацию), проявлениями и главными символами которой в XVIII – начале XIX в. стали реформы Петра I, разновидность тогдашнего западничества, уродливая в своих идейных, эстетических и бытовых проявлениях галломания (французомания) дворянства, крайний (по тем временам) либерализм Александра I, наполеоновская агрессия против Российской империи, а также попытка создания так называемого общехристианского государства в духе экуменических деклараций Священного союза, фактически лишившая на несколько лет православную церковь статуса государственной. Эти явления и события интерпретировались в консервативном дискурсе как угроза, ведущая к разрушению всех коренных устоев традиционного общества: самодержавной власти, православной церкви и религии, русского языка, национальных традиций, сословных перегородок, патриархального быта и др. Беспрецедентность вызова и породила соответствующую консервативную рефлексию [1, с. 7–8].

Наибольшую роль в первые десятилетия XIX в. в складывающемся консервативном

течении играли такие фигуры, как Г. Р. Державин, А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин, М. Н. Карамзин, С. Н. Глинка, великая княгиня Екатерина Павловна, А. А. Аракчеев, М. Л. Магницкий, А. С. Стурдза, Д. П. Рунич, митрополиты Иннокентий (Смирнов) и Серафим (Глаголевский), архимандрит Фотий (Спасский). Основными идейными и политическими центрами раннего русского консерватизма были «Беседа любителей русского слова», созданная Шишковым и Державиным, московский дом Ф. В. Ростопчина, журналы «Вестник Европы» (ред. Н. М. Карамзин) и «Русский вестник» (ред. С. Н. Глинка), тверской салон великой княгини Екатерины Павловны. К ним примыкали Российская Академия (в целом являвшаяся опорой шишкови-стов), двор вдовствующей императрицы Марии Федоровны, фактически выполнявший функции своего рода «консервативного министерства культуры», объединение московских масонов-розенкрейцеров. Консервативная идеология и практика были первоначально достоянием отдельных лиц и кружков.

Исторически первым в начале XIX в. возникло течение светского консерватизма, ставящее своей целью борьбу с галломанией и отстаивание устоев традиционного общества. Воззрения консерваторов охватывали широкий спектр общественно значимых вопросов:

о характере подлинно самодержавной власти, национальном образовании, об отношениях церкви и государства, о вопросах цензуры, «русском праве», самобытной национальной культуре, опирающейся, прежде всего, на определенные языковые традиции, об университетской политике, о вопросах внешней политики, соответствующей русским национальным интересам и др. За некоторыми исключениями и поправкой на изменившиеся исторические условия, эти проблемы остаются актуальными и в современной русской консервативной мысли.

На начальном этапе большую роль в вызревании русского консерватизма сыграли языковые споры между «шишковистами» и «карамзинистами». В ходе дискуссии консерваторы «оттачивали» аргументацию против западничества в форме галломании, которая и послужила провокативным фактором для вызревания изначальной модели русского консерватизма. Франция, ее язык и культура, воспринималась в консервативно-националистическом дискурсе как воплощение «мирового зла», породившего кровавую революцию и якобинский террор.

Дискуссия о «старом и новом слог» привела к достаточно успешной попытке конструирования консервативно-национальной традиции. А. С. Шишков сформулировал некоторые основные аксиомы нарождавшегося русского консерватизма: недопустимость подражательства революционным и либеральным западноевропейским образцам, необходимость опоры на собственные традиции (языковые, религиозные, политические, культурные, бытовые), патриотизм, включающий культивирование национального чувства и преданность самодержавной монархии [2, 3, 4].

Данный вариант консервативной идеологии в первое десятилетие XIX в. носил оппозиционный характер, противостоял либеральной и космополитической идеологии, характерной для Александра I и его ближайшего окружения. Чрезвычайно показателен был первоначальный общественный статус А. С. Шишкова и его единомышленников – Ф. В. Ростопчина и С. Н. Глинки. В первые годы XIX столетия А. С. Шишков и Ф. В. Ростопчин пребывали в опале и вынуждены были сосредоточиться лишь на литературной деятельности, С. Н. Глинка вплоть до начала выпуска журнала «Русский вестник» (с 1808 г.) не играл существенной политической и общест-

венной роли. Ситуация изменилась в 1807 г., когда под влиянием военных поражений в антинаполеоновских коалициях 1805 и 1806–1807 гг. русское дворянское общество захлестнула волна национализма, имевшего отчетливые консервативные «акценты».

По инициативе великой княгини Екатерины Павловны, обаятельной, умной и честолюбивой сестры императора Александра I, являвшейся лидером консервативной группировки при дворе, А. С. Шишков и Ф. В. Ростопчин заняли влиятельные государственные посты, получили реальную возможность влиять на некоторые ключевые внутривнутриполитические решения императора Александра I [5, с. 16–17].

В кадровой политике, по сути, произошел «тектонический» переворот: вопреки своим либеральным установкам, Александр I вынужден был сблизиться с «русской партией»: вторым по статусу человеком в империи стал А. С. Шишков, получивший после опалы либерального реформатора М. М. Сперанского должность государственного секретаря и выступивший фактически главным ритором-идеологом и пропагандистом Отечественной войны 1812 г. Именно он был автором большинства манифестов и указов, обращенных к армии и народу, которые официально выпускались от имени императора. Генерал-губернатором Москвы, наделенным фактически диктаторскими полномочиями, был назначен Ф. В. Ростопчин. Его так называемые «афиши» – прокламации, наряду с манифестами А. С. Шишкова, стали первым опытом массового внедрения консервативно-националистической мифологии в сознание всех сословий второй столицы и ее окрестностей. Военно-политическая роль Ф. В. Ростопчина оказалась чрезвычайно велика: именно ему суждено было стать главным «организатором» пожара Москвы. Сожжение древней столицы имело огромное значение, оно объективно предопределило разгром Великой армии Наполеона. Эффективным и популярным пропагандистом консервативно-националистического толка выступил редактор «Русского вестника» С. Н. Глинка. В годы войны на первый план выдвинулась еще одна ключевая фигура «русской партии» – А. А. Аракчеев, проявивший себя в предвоенные и военные годы как выдающийся военный и политический организатор, главный помощник императора по военным и дипломатическим вопро-

сам, управлению, снабжению армии и т.п., ведущий грандиозную работу, без которой невозможны были бы успешные военные действия против Наполеона [6, с. 106].

События 1812 г. сыграли огромную роль в становлении русского консерватизма. В советской исторической литературе бытовал тезис о том, что декабристы были детьми 1812 г. и что сам декабризм явился порождением Отечественной войны. С гораздо большим основанием то же самое можно сказать и о русском консерватизме [5, с. 7–17].

По сути, в 1812 г. одно из течений русского консерватизма, изначально имевшее галлофобскую направленность, оказалось максимально востребованным именно в канун войны, причем нужда в нем была настолько велика, что из «маргинального» течения оно превратилось в стержневое, вытеснив те идеологические представления, которые были характерны для просвещенного абсолютизма и Александровского либерализма. Колоссальный идеологический сдвиг, который произошел за считанные годы, может быть объясним только той исключительной ролью, которую сыграли русские консерваторы в 1812 г. в условиях национальной мобилизации.

В идейном плане главной темой для русского консерватизма в тот период являлась идея сильной государственной власти. В лоне русского консерватизма вызрела концепция самодержавия как высшего проявления национального, самобытного русского духа. Русские консерваторы, как правило, выступали принципиальными противниками ограничения самодержавия. Обосновывая самодержавную форму правления, они использовали аргументы религиозного характера, а также указывали на соответствие самодержавия народному характеру и природно-климатическим условиям России. Особенность русского консерватизма заключалась в беспрекословной ориентации на верховную власть, использование ее политических и административных рычагов, а не создании собственной политической организации. Выполнение своих программных требований консерваторы переадресовывали монарху.

Православие для консерваторов являлось прежде всего атрибутом «русскости», средством национальной самоидентификации, а не вселенской религией. Оно приобрело характер идеологии, противопоставляемой модным в то время масонству, мистицизму и

экуменическим утопиям. Именно система православных ценностей оказала существенное воздействие на формирование русского консерватизма, оказав блокирующее действие на процесс рецепции иноконфессиональных консервативных западных доктрин. С 1824 г. монархическая власть более не ставила под сомнение статус православия как господствующей религии, а русский консерватизм отныне базировался исключительно на православии. Масонство оказалось под жестким запретом с 1822 г. и до начала XX в. Определяющую роль в принятии этих решений сыграли представители церковного консерватизма митрополит Серафим (Глаголевский) и архимандрит Фотий (Спасский), а также глава «русской партии» Аракчеев.

В русском консерватизме первой четверти XIX в. имелись и течения, тесно связанные с масонством. В конце XVIII в. ряд русских масонов начали критику галломании, в их среде культивировался интерес к русскому историческому прошлому. Для взглядов части русских масонов, наряду с приоритетом «внутренней церкви» над «внешней», отрицанием церковной обрядности, ставкой на надконфессиональную мистику и экуменизм, были характерны некоторые принципы, вполне родственные консервативным: приоритет монархии, критическое отношение к рационалистической философии Просвещения, культ нравственности. Видных представителей московского розенкрейцерства, О. А. Поздеева, П. И. Голенищева-Кутузова, называли не иначе как «обскурантами». Исходя из положений масонской доктрины, они признавали господствующее положение православной церкви, поскольку она являлась государственным институтом, а, с их точки зрения, лояльный подданный, если он признает государство, стремясь к стабильности и порядку, должен быть членом «внешней церкви». Более того, на словах они отвергали противопоставление «внутренней» церкви «внешней». Розенкрейцеры ратовали за жесткий контроль за общественной жизнью и умонастроениями, проповедовали антиреволюционный и антилиберальный изоляционизм.

В тот же период короткое время существовало консервативное мистико-космополитическое направление общественной мысли протестантского толка, связанное с именами Александра I (на определенном этапе) и князя А. Н. Голицына, которое обычно ассоциирует-

ся с деятельностью Библейского общества, Священного союза, министерства духовных дел и народного просвещения, попыткой реализации социальной утопии «евангельского» или «общехристианского государства». Самодержавная власть в рамках этого направления рассматривалась не как порождение национальной истории, а как политическое орудие для воплощения в жизнь утопии надконфессиональной власти, призванной защитить Европу от распространения подрывных учений и революционных потрясений. Разумеется, этот вариант консервативной идеологии не мог иметь в принципе русской национальной окраски. Это был государственный космополитизм, на определенном этапе обретший достаточно ярко выраженный консервативный акцент [7, с. 27–40].

Именно «нетрадиционность» этого направления предопределила его быстрый политический крах и переход уже в следующее царствование, к иной идеологии.

Существенной составляющей раннего русского консерватизма был национализм. В консервативной мысли концепт «русскости» зачастую жестко противопоставлялся всему не только французскому, но и западному как таковому. Даже в масонстве, которое традиционно связывают исключительно с космополитизмом, имелись носители националистических умонастроений. К примеру, Д. П. Руничу, известному по ярлыкам «погромщик Петербургского университета» и «гонитель философии», было свойственно осуждение Петра I за отказ от народных традиций и привычек и «разрушение» русской национальности. «Изуродованная» (термин Рунича) Россия, с его точки зрения, сохранившая свою самобытность, должна была преобразовать Европу, разложившуюся под воздействием рационалистической философии и вольнодумства, спасти и возродить человечество, так как русский национальный дух отличается от всех других народов [8].

Национализм ранних русских консерваторов по своим исходным интенциям был призван противостоять «чужеродным» модернизационным процессам и ставил своей целью законсервировать традиционалистское настоящее. Но, как и национализм, сопровождающий и активизирующий модернизацию, он оперировал понятием мессианского коллективного субъекта, апеллировал к определенным этническим ценностям, конструировал

собственную традицию, селективно интерпретируя факты исторического прошлого.

Из-за националистической составляющей русский консерватизм трудно совмещался с имперским универсализмом, насаждаемым абсолютистской властью – в этом одно из объяснений, почему карьера А. С. Шишкова и Ф. В. Ростопчина резко оборвалась по окончании Отечественной войны 1812 г., когда отпала необходимость в общенациональной мобилизации. Русский консерватизм с националистической окраской использовался в прагматических целях, и власть отказалась от него, как только непосредственная опасность миновала. Жесткая привязка русских консерваторов к конкретно-исторической форме сильной власти и личная преданность их непосредственным носителям политически ставила их в предельно уязвимое положение. Как правило, власть, вполне западническая по своим ценностным установкам (в период правления Александра I это было особенно ярко выражено), использовала «русскую партию», точнее, отдельных ее представителей, лишь в тактических целях, оставаясь при этом внутренне чуждой ее ценностям и идеологии. Она избегала использовать достаточно многочисленных представителей «русской консервативной партии» на значимых постах (Ф. В. Ростопчин и А. С. Шишков представляли собой исключения, которые лишь подтверждали общее правило), консервативные периодические издания получали ничтожно малую долю из государственного бюджета. Национализм в любой версии, как в консервативной, так и либеральной, не мог не противоречить принципу сословности. Выходом из этого положения стала интерпретация крепостного права как оптимальной формы существования русских в единой патриархальной семье. При этом консерваторы, как правило, не были сторонниками отмены крепостного права. Некоторые из них принципиально выступали против его отмены (А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин), мотивируя это тем, что крепостное право представляет органически сложившуюся в течение длительного времени часть самодержавной государственности и уклада народной жизни. Помещики не заинтересованы в разорении крестьян, напротив, условие процветания помещиков – благополучие его крестьян.

Более сложные представления по крестьянскому вопросу имелись у консерваторов (Н. М. Ка-

рамзин, С. Н. Глинка, А. С. Стурдза), которые прошли при становлении своих взглядов известную школу либерального мышления. Как правило, они не отрицали того, что крепостное право является социально-экономическим и моральным злом, которое в перспективе должно исчезнуть из русской жизни. Однако в конкретной ситуации Александровского царствования они предлагали воздержаться от каких-либо серьезных изменений, поскольку отмена крепостного права должна была привести к обнищанию как крестьянства, так и дворянства и в конечном итоге к социальной революции. С их точки зрения, была необходима масштабная программа просвещения крестьянства, которая явилась бы необходимым условием подготовки отмены крепостного права. Впрочем, именно эта часть их программы, реализация которой могла бы способствовать смягчению социальных противоречий и уменьшению «издержек» Великой реформы, так и не была осуществлена правительством вплоть до начала масштабных преобразований. Таким образом, воззрения русских консерваторов на крестьянский вопрос зачастую были более умеренными и примитивными, чем у правительственных кругов, взявших курс на подготовку отмены крепостного права путем частных мер (имеется в виду реформа государственной деревни, указ об «обязанных» крестьянах и др.). Вообще, в чем преуспели русские консерваторы, так это не в позитивных программах, а в своих объяснениях, почему крестьян в настоящий момент нельзя освобождать, а также в своих оценках негативных последствий освобождения, если оно все же произойдет [9, с. 77–97].

Анализ взглядов ранних русских консерваторов показывает, что, несмотря на определенную нечеткость их представлений, существенные противоречия между отдельными их группировками, они тем не менее смогли выработать идеологическую систему, которая оказала значительное воздействие на все последующие поколения русских консерваторов. В русском

консерватизме уже тогда четко прослеживалось магистральное направление, для которого приоритетными ценностями выступали православие, сильное централизованное государство, имперский патриотизм, а на определенных этапах – русский национализм. Наиболее развитые, классические формы русского дореволюционного консерватизма в целом являлись своего рода теоретически развернутым обоснованием формулы «православие – самодержавие – народность». Всякая серьезная русская консервативная рефлексия неизбежно затрагивала, обосновывала те или иные члены указанной триады (или отталкивалась от них).

ЛИТЕРАТУРА

1. Предисловие // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / отв. ред. А. Ю. Минаков. – Воронеж : ВГУ, 2005.
2. Минаков А. Ю. «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова – первый манифест русского консервативного национализма / А. Ю. Минаков // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время : сб. науч. трудов. – Воронеж, 2002. – Вып. 1.
3. Минаков А. Ю. Франкобесие / А. Ю. Минаков // Родина. – 2002. – № 8.
4. Альтшуллер М. Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства / М. Альтшуллер. – М., 2007.
5. Минаков А. Ю. Роль событий 1812 г. в становлении русского консерватизма / А. Ю. Минаков // Консерватизм в России и Западной Европе. – Воронеж, 2005.
6. Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев / В. А. Федоров. – М., 1997.
7. Марголис Ю. Д. Традиции Павла I в истории русской государственности / Марголис Ю. Д., Жуковская Т. Н. // Император Павел I и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России. – СПб., 1995.
8. Рунич Д. П. Россия от 1633 до 1854 г. Взгляд на новый и старый ее быт (из бумаг Д. П. Рунича) / Д. П. Рунич ; предисл. А. Титова. – Ярославль, 1909.
9. Минаков А. Ю. Экономические воззрения русских консерваторов первой половины XIX в. / А. Ю. Минаков // Консерватизм : социально-экономические учения. – СПб., 2009.

Воронежский государственный университет

*Минаков А. Ю., кандидат исторических наук,
директор Зональной научной библиотеки*

E-mail: arkady@vmail.ru

Тел.: 8-952-54- 80-331

Voronezh State University

*Minakov A. Y., Candidate of the Historical
Science, Head of the Zone Research Library*

E-mail: arkady@vmail.ru

Tel.: 8-952-54- 80-331